

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ДИЛГО КХЬЕНЦЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ПРОСВЕТЛЕНИЮ

ПРОСВЕТЛЁННАЯ ХРАБРОСТЬ

СЕРДЦЕ СОСТРАДАНИЯ

Самадхи (Ганга – Ориенталия)

Дилго Кхьенце

**Собрание сочинений. Том 1.
Путешествие к просветлению.
Просветлённая храбрость.
Сердце сострадания**

«ИД Ганга»

2010

УДК 294.3
ББК 86

Кхьенце Д.

Собрание сочинений. Том 1. Путешествие к просветлению.
Просветлённая храбрость. Сердце сострадания / Д. Кхьенце —
«ИД Ганга», 2010 — (Самадхи (Ганга – Ориенталия))

ISBN 978-5-907432-27-7

Первый том трёхтомного собрания сочинений одного из величайших мастеров тибетского буддизма нашего времени – Дилго Кхьенце Ринпоче – начинается вдохновляющей историей жизни автора, записанной с его собственных слов и проиллюстрированной фотографиями. Также в книгу вошли два текста, содержащие объяснения наставлений выдающегося мастера Нгулчу Тхогме Сангпо – по семи пунктам тренировки ума и по тридцати семи принципам практики бодхисаттвы. Эти учения представляют собой сердечную сущность буддийского пути. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 294.3

ББК 86

ISBN 978-5-907432-27-7

© Кхьенце Д., 2010

© ИД Ганга, 2010

Содержание

В память о Дилго Кхьенце	8
Предисловие	11
О собрании сочинений	13
Благодарности	16
Путешествие к просветлению	18
Вступительное слово автора	19
Вступление	20
Глава 1	22
Глава 2	30
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дилго Кхьенце

© Shechen Publications, 2010

© Перевод на русский язык. А. Мускин, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО ИД «Ганга», 2021

* * *

*Посвящается процветанию благой активности
Дилго Кхьенце Янгси Ринпоче,
Ургьена Тензина Джизме Лхундруба*

THE DALAI LAMA

В память о Дилго Кхьенце

Дилго Кхьенце Ринпоче является одним из самых почитаемых мной учителей. Впервые мы встретились ещё в Джокханге, в Лхасе, когда я возвращался из своего первого паломничества по Индии. Однако по-настоящему мы сблизились гораздо позже, когда оба жили в изгнании. У меня случались сны и переживания, явно указывавшие на то, что между нами существует особая кармическая связь, и в конце концов случилось так, что я стал получать от него учения. Этот великий человек обладал добрым сердцем и щедро делился со мной своим драгоценным опытом и знаниями, даруя мне посвящения, устные передачи и учения.

В начале своего пути Кхьенце Ринпоче не занимал какую-либо высокую позицию в иерархии тибетского буддийского духовенства – он стал почитаемым учителем за счёт своей совершенной реализации. Будучи перерождением великого тибетского мастера медитации Джамьянга Кхьенце Вангпо, он даже в детском возрасте демонстрировал потенциал к духовному развитию, обусловленный прошлыми перерождениями. Он получил наставления от множества мастеров – и не просто изложил эти наставления на страницах своих книг, но и реализовал их на практике, обретя собственный прямой опыт постижения.

Ещё в юном возрасте он принял решение вести жизнь отшельника и целиком посвятить себя размышлениям об учениях, пытаясь на собственном опыте постичь их истинный смысл. В своей практике медитации он достиг наивысшего сущностного уровня. В результате этого он стал держателем живой традиции – посвящений, устных передач и сущностных наставлений восьми основных духовных направлений, известных в Тибете, относящихся как к традиции сутры, так и к традиции тантры.

Ринпоче обладал многими скрытыми благими качествами и, кроме того, был поистине выдающимся учёным и практикующим. Я очень ценил его внесектарный подход. В Тибете существует несколько духовных традиций, связанных с различными методами практики, и каждая из них обладает особыми уникальными отличительными чертами – одному и тому же аспекту практики может уделяться большее или меньшее значение, а некоторые ключевые моменты учений могут объясняться по-разному. Если мы будем изучать все эти разнообразные традиции, то обнаружим, что они просто дополняют друг друга. Поэтому внесектарный подход является столь эффективным как для личной практики, так и для сохранения всего учения Будды. Несмотря на свою широкую известность и огромное количество последователей, Кхьенце Ринпоче всегда оставался очень мягким и скромным человеком. Его высокая духовная реализация была для всех очевидна, но он никогда не кичился своими знаниями. Это было его отличительной способностью. Он с одинаковой симпатией относился ко всем людям, вне зависимости от их социального статуса и материального достатка, и никто никогда не слышал, чтобы он сказал другому человеку что-нибудь, что причинило бы тому вред.

Он работал не покладая рук, чтобы сохранять и распространять на благо всех живых существ учения Будды. Он переиздавал редкие тексты, которые иначе были бы утрачены, восстанавливал разрушенные монастыри и, что самое важное, он постоянно даровал учения. Даже находясь в преклонном возрасте, он всегда был готов прокомментировать какой-либо текст, дать посвящения и сущностные наставления любому, кто мог стать аутентичным держателем линии передачи. Всё, что он делал, он делал исключительно ради того, чтобы помочь другим и сохранить учения Будды. Он также является автором множества комментариев и текстов.

Кхьенце Ринпоче был живым примером для всех других держателей учений. Мы не просто восхищались его глубокими знаниями, но всегда пытались следовать его примеру и обрести точно такие же качества, какими он обладал. Подобный подход способствует исполнению пожеланий учителя и потому является наилучшим подношением. Как один из учеников Ринпоче я хотел бы поделиться с другими людьми своей радостью, что мне посчастливилось

встретить этого великого мастера и получить у него учения. Его наставления были бесценны. Именно поэтому очень важно, чтобы мы приносили его наставления в свою повседневную жизнь. Это будет означать, что мы достойные ученики достойного учителя.

Глубокий духовный опыт, который, как кажется, лежит за пределами логики, довольно сложно выразить словами. Он зависит, скорее, от вдохновения и благословений линии передачи, которые даёт нам наш собственный учитель. Вот почему в буддизме (и особенно в буддизме ваджраяны) такое огромное значение придаётся практике гуру-йоги – объединения с истинной природой учителя. И поскольку эта практика является настолько важной, то также очень важны и те качества, которыми обладает учитель, гуру. Качества, которыми должен обладать учитель, были описаны Буддой во многих сутрах и тантрах. Мне было очевидно, что Кхьенце Ринпоче обладает всеми этими качествами без исключения. Знакомство с ним было для меня высочайшей привилегией, и особой удачей является то, что он стал моим учителем, одним из самых драгоценных моих учителей.

Когда в Тибете расцвело учение Будды, наибольшую роль сыграли благословения Гуру Падмасамбхавы – учителя, принёсшего буддизм в Тибет. Его молитвы и сострадание привели к тому, что между ним и Тибетом установилась сильная связь. С точки зрения духовного развития сейчас мы живём во времена упадка и деградации. Люди стали как никогда умны и сообразительны, однако им не хватает такого качества, как простая человеческая доброта, и они используют свой ум всё более и более деструктивно.

За последнее время тибетскому народу пришлось пройти через крайне сложный период своей истории – период, когда и само государство Тибет, и тибетский буддизм подверглись суровым испытаниям. Но страдали не только тибетцы: по всему миру за прошедшие годы происходило множество несчастий и потрясений. В такие непростые времена благословения Гуру Падмасамбхавы важны как никогда, и, по моим ощущениям, то же самое можно сказать о благословениях Кхьенце Ринпоче, поскольку он обладает особой связью с Гуру Падмасамбхавой.

Кхьенце Ринпоче родился в Восточном Тибете в 1910 году, и в 2010-м мы, соответственно, отмечаем его столетний юбилей. Это событие наполняет меня огромной радостью, причиной которой стала публикация собрания ранее переведённых на английский язык отдельных учений Ринпоче. Это издание поможет сохранить память об этом великом мастере для тех, кто знал его лично, и послужит источником вдохновения для тех, кто не был с ним знаком.

С молитвой о том, чтобы мудрость моего учителя смогла проникнуть в наши сердца, мне хотелось бы поблагодарить всех тех, кто принимал участие в работе над этим трёхтомным изданием – издателей, переводчиков и редакторов, которые сделали возможным осуществление этого проекта.

A handwritten signature in black ink, consisting of a series of fluid, connected strokes. The signature is written in a cursive style, characteristic of the 14th Dalai Lama's handwriting.

*Его Святейшество Четырнадцатый Далай-лама
15 июля 2008 г.*

Предисловие

2010 год примечателен тем, что знаменует собой столетие со дня рождения одного из наиболее выдающихся мастеров тибетского буддизма XX века – Дилго Кхьенце Ринпоче (1910–1991). Мы решили приурочить к этому событию публикацию собрания его сочинений, в котором объединены те из учений Кхьенце Ринпоче, что были переведены на английский язык.

Дилго Кхьенце занялся моим воспитанием, когда мне было пять лет, и за следующие двадцать пять лет я получил все учения, которые он передавал своим ученикам. В детстве я воспринимал его как доброго и любящего дедушку, да и, честно сказать, он был для меня отцом и матерью в одном лице. Я рос, и это моё восприятие постепенно менялось, перерастая в глубокое уважение. Моя уверенность в этом человеке всё возрастала и в какой-то момент стала непоколебимой верой. Так Кхьенце Ринпоче стал моим духовным учителем. Когда я начал изучать тексты, то обнаружил, что он обладает всеми описанными в них качествами истинного реализованного мастера. Теперь я понимаю, как мне повезло, что я встретил подобного человека на своём жизненном пути. Единственной моей целью является распространение его учений и реализация его намерений.

Кхьенце Ринпоче был одним из самых ярких примеров того, каким должен быть духовный учитель. Он был выдающимся мастером, и большинство тибетских учителей XX столетия, включая Его Святейшество Далай-ламу XIV, который считает его одним из своих основных учителей, так или иначе получали у него учения.

Кхьенце Ринпоче прилагал все усилия для того, чтобы сохранить традицию тибетского буддизма, и поэтому непрерывно даровал учения, выстраивая их таким образом, чтобы они соответствовали нуждам каждого отдельного человека, который их получал. Он заботился о сохранении не только традиции ньингма, но и всех остальных основных традиций тибетского буддизма: кадам, сакья, кагью, гелуг, калачакра, чод, шидже и джонанг.

Казалось, что в силу своей глубокой реализации он умудрялся проживать в течение одной жизни сразу несколько: провёл тридцать лет в ретрите, изучал Дхарму с великими учителями и обрёл глубочайшие познания, в течение почти полувека сам непрерывно давал учения, порой по несколько часов в день. Его литературные работы – комментарии к классическим текстам, сборники садхан, песен реализации и устных наставлений, а также его собственные *терма*, или найденные «скрытые сокровища», – составляют собрание из двадцати пяти томов. Он также участвовал во многих крупных проектах по сохранению и распространению тибетской буддийской традиции и культуры.

Сложно подобрать слова для того, чтобы описать все качества этого человека, и когда я пытаюсь это делать, то каждый раз задумываюсь, не начнут ли люди думать, что я преувеличиваю, хотя в действительности речь идёт о самоочевидных достоинствах Ринпоче.

Кхьенце Ринпоче обладал способностью оказывать на жизнь людей существенное влияние, которое становилось причиной их трансформации. После его смерти это влияние не только не исчезло, но стало только возрастать. Несмотря на то что нам, к сожалению, больше не встретиться с ним лично, мы тем не менее можем ощутить всю глубину его мудрости и силу сострадания, изучая его произведения.

Я очень надеюсь, что это собрание сочинений станет заметной вехой на пути сохранения его наследия и позволит множеству западных читателей получить доступ к этой сокровищнице драгоценных учений, которые могут даровать глубокое вдохновение на их жизненном пути и предлагают мудрые, полные сострадания наставления на пути к просветлению.

*Шечен Рабджам
Тхегчог Гацел Линг
Паро, Бутан
Май 2008 г.*

О собрании сочинений

Я очень рад, что в этот знаменательный год – год столетия со дня рождения Дилго Кхьенце Ринпоче – мне посчастливилось принять участие в проекте специального издания его учений, переведённых на английский язык.

Я провёл с Ринпоче в качестве помощника и ученика одиннадцать лет, и мне выпала честь переводить его устные учения, которые легли в основу многих текстов, входящих в это собрание сочинений. В течение долгого времени с расшифровками устных учений работали квалифицированные редакторы, что позволило значительно улучшить ясность материала. Возможность поделиться с другими людьми результатами своего труда даёт всем нам, кто участвовал в этом проекте, приятное ощущение хорошо выполненной работы.

Дилго Кхьенце впервые покинул Тибет в 1959 году, когда ему пришлось стать беженцем в результате печально известных событий. Некоторое время он жил в одном из горных поселений Калимпонга в Западной Бенгалии. Вскоре после его прибытия несколько западных учеников приехали повидаться с этим выдающимся духовным учителем и попросить у него наставлений. Среди них был Джон Драйвер (Кончог Палге) – один из очень немногих западных практикующих, кому довелось лично знать Дзонгсара Кхьенце Чокьи Лодро (одного из коренных учителей Дилго Кхьенце), скончавшегося в 1959 году в Сиккиме. Лично встретиться с Ринпоче в эти первые годы изгнания также посчастливилось принцу Петру Греческому¹, который в то время жил в Калимпонге, и несколькими учёными из Европы. Позже с Ринпоче сблизился Джин Смит – вероятно, самый сведущий западный тибетолог, и Ринпоче поселился в его резиденции в Нью-Дели. К Ринпоче постоянно приезжали множество преданных западных учеников, для которых он служил источником вдохновения и наставлений, определявших направление их жизненного пути.

В начале шестидесятых Кхьенце Ринпоче пригласили в Бутан, где он давал учения в школе Симтокха, недалеко от Тхимпху. В течение многих лет он давал подробные учения, организовывал продолжительные ретриты и проводил ритуальные церемонии для поддержания мира в Бутане. Множество его учеников приезжали к нему за советом и наставлениями, и со временем он заслужил уважение и признание по всей стране.

В последующие годы, каждый раз, когда Дилго Кхьенце Ринпоче путешествовал по Индии и Непалу, у него появлялось всё больше западных учеников. В конце концов в 1976 году Кхьенце Ринпоче впервые посетил Европу (по приглашению Пемы Вангьяла Ринпоче) и США (по приглашению Чогьяма Трунгпы Ринпоче). С этого момента он посещал Европу практически каждый год, особенно часто – юг Франции, где давал общие учения своим бесчисленным ученикам, а также особые наставления и посвящения тем из них, кто находился в традиционном трёхлетнем ретрите. Если прибавить к этому то время, что он проводил в своей резиденции Таши Пелбар Линг в Дордони, то общее время составит почти год.

В восьмидесятых годах Ринпоче обычно проводил в Бутане весну и лето, пребывая в ретрите, проводя *друбчены* или давая учения – как большим собраниям людей, так и малочисленным группам тулку и близких учеников. Осенью и зимой он давал учения в разных монастырях Непала и Индии. Вдобавок к учениям, внесённым в расписание, которые, к слову сказать, были практически ежедневными, он всегда давал отдельные персональные наставления иностранным ученикам, присутствовавшим на общих учениях. Мы с Пемой Вангьялом Рин-

¹ Принц Пётр Греческий и Датский – известный антрополог, старший ребёнок и единственный сын принца Георга, второго ребёнка короля Георга I и великой княгини Ольги Константиновны, и принцессы Мари Бонапарт, дочери принца Ролана Бонапарта. Член греческой королевской семьи. – *Прим. ред.*

поче выступали обычно в качестве переводчиков на английский язык – либо непосредственно во время учений, либо позже, работая с аудиозаписями.

Спустя некоторое время эти учения с нашим переводом были расшифрованы или заново переведены с тибетского языка. Все учения, вошедшие в это издание, являются подобными расшифровками устных учений, дарованных по просьбе западных учеников. Эти учения бесценны. Тем не менее, учитывая то, насколько активно давал учения Ринпоче, этот сборник является не более чем каплей в море устных наставлений и учений, представляющих собой сотни часов магнитофонных записей, которые теперь надёжно хранятся в Непале – в архиве монастыря Шечен и в других местах, где давал учения Ринпоче.

Этот перевод сохраняет уникальные качества устных наставлений Ринпоче, его объяснений различных этапов буддийского пути с точки зрения медитативного опыта и реализации учений на практике. Они являются дополнением к письменным работам – комментариям, садханам, ритуалам, песням реализации, наставлениям по медитации и сокровищам терма. Полное собрание сочинений Дилго Кхьенце составляет двадцать пять томов по шестьсот страниц каждый. Это собрание сочинений было издано в 1995 году в Тибете издательством «Шечен» (Shechen Publications) под общим заголовком sKyabs rje dil mgo mkhyen brtse rin po che'i bka' bum. Большинство этих текстов до сих пор не переведены на английский язык.

Я постарался организовать устные наставления, вошедшие в этот сборник, таким образом, чтобы они соответствовали порядку девяти последовательных колесниц, составляющих буддийский путь. Все тексты, вошедшие в этот сборник, за исключением трёх, уже были изданы и переведены на разные языки.

Первый том открывает краткое изложение биографии Дилго Кхьенце Ринпоче, чья жизнь служит мощным источником вдохновения (адаптация книги «Путешествие к просветлению»). Второй текст – это наставление по тренировке ума «Просветлённая храбрость», а третий, «Сердце сострадания», является комментарием к тексту «Тридцать семь практик бодхисаттвы». Эти тридцать семь практик являются жизненной силой пути махаяны.

Второй том начинается текстом «Совершенный путь к просветлению», который является сводом наставлений по основополагающей практике *нёндро*, также известной как «предварительная практика». Согласно мнению Кхьенце Ринпоче и других известных учителей, эта существенная практика определяет эффективность тех практик, которые будут выполняться позже. Как постоянно напоминал нам Ринпоче: «Некоторые считают, что самыми глубокими практиками являются основные, но нам следует ясно понимать, что наиболее глубокими являются предварительные практики».

Следующий текст «Колесо аналитического исследования» является комментарием к наставлению по практике аналитического исследования тела, речи и ума, составленному Мипамом Ринпоче. Вскоре после рождения Кхьенце Ринпоче получил благословение от Мипама Ринпоче и часто упоминал потом, что эта встреча наполнила его жизнь настоящим смыслом. Он написал в своей автобиографии следующее: «Каждый раз, когда я даю учения или сам изучаю Дхарму, то чувствую, что если я что-то и понимаю, то лишь благодаря доброте Мипама Ринпоче, который был воплощением самого Манджушри».

Затем следует текст «Драгоценность, исполняющая желания», который является наставлением по практике гуру-йоги – «объединение с природой гуру». Эта практика является сущностью всех аспектов духовного пути – в начале, середине и конце – а также самым глубоким и мощным методом достижения прогресса и устранения препятствий.

После наставления по практике гуру-йоги следуют тексты «Сердечное сокровище просветлённых» и «Сто строф наставлений». Эти тексты представляют собой глубокие прямые наставления о том, как практиковать Дхарму на уровне сутры и тантры, и направлены на широкий круг техник медитации – отречение от мирских забот, принятие прибежища, развитие

бодхичитты, трансформация и освобождение заблуждений на ментальном и эмоциональном уровнях, а также пребывание в простоте чистого осознания.

В третьем томе собраны наставления по практике стадий развития (кьерим) и завершения (дзогрим), а также объяснения по практике в ретрите, включающие наставления по техникам, применяемым на пути традиционных колесниц учения тибетского буддизма. Два текста, вошедшие в этот том, – «Чистое проявление» и «Изначальная чистота» – раньше были предназначены лишь для тех учеников Ринпоче, кто получил указующие наставления и передачи, но теперь они будут доступны также широкому кругу читателей. Том начинается текстом «Завет Зурчунгпы», который представляет собой составленное Дилго Кхьенце Ринпоче объяснение сущностного комментария его собственного коренного учителя Шечена Гьялцаба Ринпоче. Это комментарий к тексту знаменитого мастера традиции ньянгма Зурчунгпы Шераба Драгпы, жившего в XI веке, который состоит из пятисот восьмидесяти коротких изречений, собранных в восемьдесят глав.

Затем следует текст «Удивительный океан наставлений по практике в уединённом ретрите». Этот текст является кратким объяснением вдохновляющих наставлений Джигме Лингпы по медитационному ретриту и публикуется в переводе на английский язык впервые. Следующий текст «Чистое проявление» содержит объяснение практики стадии развития традиции тайной мантры, состоящей из визуализации божеств мудрости, повторения мантр и очищения состояний рождения, смерти и бардо.

Два завершающих текста третьего тома – «Изначальная чистота» и «Светильник, рассеивающий тьму» – включают сущностные учения об окончательной природе реальности и ума.

Ещё в юности Дилго Кхьенце изучал стихосложение, и в течение своей жизни составил множество молитв преданности, восхвалений святых мест, наставлений и писем. На английский язык было переведено лишь несколько его поэм, и некоторые из них входят в текст «Путешествие к просветлению» (первый том), а некоторые можно найти в конце третьего тома.

Те ученики, кто искренне стремится усердно практиковать техники медитации девяти колесниц тибетского буддизма, обнаружат в этом замечательном собрании сочинений исчерпывающий набор наставлений, который послужит для них источником вдохновения и проводником по аутентичному духовному пути. Как сказал своим ученикам Будда перед тем, как уйти в паринирвану: «Я вернусь в форме текстов». Поскольку Ринпоче больше не присутствует в этом мире в физическом теле, эти учения – воплощение его мудрости и сострадания и самый короткий путь познакомиться с ним поближе так, будто это происходит на самом деле.

*Матье Рикар
Монастырь Шечен
Непал
Июль 2008 г.*

Благодарности

Мне хотелось бы выразить свою признательность всем переводчикам, издателям и редакторам, которые на протяжении долгих лет работали с текстами, включёнными в собрание сочинений Дилго Кхьенце Ринпоче. Я благодарен Сэмюэлю Беркольцу и всей команде издательства «Шамбала» (Shambhala Publications), которые с самого начала взяли на себя ответственность за этот проект.

Однако следует также сказать, что осуществление этого проекта было бы невозможным без щедрости Джеффа Кокса и Сидни Пибурна из издательства «Сноу Лайон» (Snow Lion), которые любезно предоставили нам разрешение на публикацию текстов «Просветлённая храбрость», «Завет Зурчунгпы», «Сокровище, исполняющее желаний» и «Безукоризненный путь к просветлению».

Я также благодарен Ларри Мермелштейну из Переводческого комитета «Наланда / Ваджравайрочана» (Nalanda / Vajravairochana Translation Committee), любезно предоставившему нам права на публикацию текстов «Изначальная чистота» и «Чистое проявление». Эти тексты наполнены глубоким смыслом, и благодаря им это собрание сочинений приобретает завершённый вид, становясь всеобъемлющим. Если бы не доброта этих издателей, проект собрания сочинений Дилго Кхьенце так и не был бы осуществлён.

Безусловно, лишь благодаря знаниям, тяжкому труду и преданности переводчиков эти учения стали доступны тем, кто не умеет читать по-тибетски. В особенности мне хотелось бы поблагодарить Матье Рикара, который перевёл десять из тринадцати вошедших в собрание текстов и сделал большинство фотографий, включённых в издание. Я выражаю ему признательность за неустанные усилия, направленные на сохранение линии передачи Дилго Кхьенце Ринпоче, включая издание собрания сочинений Ринпоче на тибетском языке.

Практически все комментарии, а также некоторые из коренных текстов были переведены членами Переводческой группы «Падмакара» (Padmakara Translation Group) – Вулстэном Флетчером, Хеленой Блэнклер, Стивенем Гетином и Джоном Канти, который также редактировал семь из десяти переводов, выполненных Матье Рикаром. Я очень признателен этим людям за аккуратность, изящность слога и скрупулёзность их выдающейся работы.

Мне также хотелось бы упомянуть Эрика Пему Кунсанга, Дэвида Кристенсена и Адама Пирси – они перевели три коренных текста, новые комментарии к которым включены во второй и третий тома, и любезно предоставили нам права на их издание. Я очень благодарен Ани Джинпе Палмо за перевод двух книг, входящих в это собрание, а также за её перевод автобиографии Дилго Кхьенце, часть которой включена в «Путешествие к просветлению». Я хотел бы выразить благодарность Эрику Пеме Кунсангу и Переводческой группе «Падмакара» за их помощь в составлении глоссария.

Я искренне благодарен всем этим талантливым переводчикам за их постоянные усилия, направленные на то, чтобы сделать доктрину тибетского буддизма доступной на языках западного мира.

Когда мне впервые пришла в голову идея заново издать все эти тексты в виде собрания сочинений в честь столетнего юбилея Дилго Кхьенце Ринпоче, я поделился ей с Вивиан Курц. Мне хотелось бы выразить признательность за её неустанную работу по осуществлению этого проекта, в котором она участвовала с начала и до самого конца – с этапа начального замысла до реальной публикации издания.

Я выражаю признательность всем работникам издательства «Шамбала» за их мудрость, терпение и усердную работу: Эмили Бауэр, редактору издательства, за её энтузиазм, советы и тщательность в работе; Кендре Кроссен за её заботливое отношение и вдумчивую работу

с текстами; Хейзел Беркольц за её творческий подход и понимание действенности изобразительных образов.

В заключение я хочу выразить огромную благодарность Его Святейшеству Далай-ламе за то, что он согласился поделиться с нами своими воспоминаниями, которые мы использовали как вступление к первому тому собрания сочинений.

Мы все очень рады, что смогли осуществить этот проект. Мы посвящаем заслугу, накопленную благодаря этой работе, благу всех живых существ, распространению Дхармы, которая является источником преходящего и абсолютного счастья, долгой жизни Его Святейшества Далай-ламы, а также всех держателей учений Будды, и в особенности процветанию благой активности перерождения Дилго Кхьенце Ринпоче – Янгси Ринпоче Ургьену Тензину Джигме Лхундрубуну.

*Шечен Рабджам
Монастырь Шечен, Непал
Июль 2008 г.*

**Путешествие к просветлению
Биография Дилго Кхьенце Ринпоче,
составленная Матье Рикаром**

། ལྷོ་མ་མ་བཟེད་རྟལ་ཏུ་གསོལ་བ་ཐོབ།།
རང་སེམས་མ་ཡོངས་རང་ངོ་རང་གིས་ལྷོས།།
འཆི་བ་མ་བཟེད་ཚོས་ལ་བསྐྱལ་མ་ཐོབ།།
སེམས་ཅན་མ་བཟེད་སྤྱིར་ཇི་བཟོ་སྤོམ་གྱིས།།

*Не забывай своего учителя,
Всегда обращай к нему с молитвой.*

*Не позволяй мыслям отвлекать тебя,
Наблюдай природу ума.*

*Помни о смерти,
Усердно практикуй Дхарму.*

*Не оставляй живых существ,
С состраданием посвящая им свои заслуги.*

Вступительное слово автора

Эта краткая биография Дилго Кхьенце Ринпоче была составлена в начале 90-х годов прошлого столетия на основе его автобиографии, интервью с его супругой и учениками, а также аудиозаписей его рассказов о своей жизни в Тибете. Эти материалы, а также серия фотографий, легли в основу книги, которая получила название «Путешествие к просветлению. Жизнь и мир Кхьенце Ринпоче, духовного учителя из Тибета» [Journey to Enlightenment: The Life and World of Khyentse Rinpoche, Spiritual Teacher from Tibet. New York: Aperture, 1996]. Печатная версия этой книги вышла под названием «Дух Тибета».

В данной редакции мы дополнили оригинальный текст выдержками и историями из книги «Сияющая луна», которая является переводом полной автобиографии Ринпоче².

Все части текста были либо переведены с тибетского, либо записаны и отредактированы специалистами Переводческой группы «Падмакара» – интернациональной группы переводчиков, которые изучали и практиковали буддизм несколько десятилетий под руководством известных тибетских мастеров. Лидерами этой группы являются Пема Вангьял Ринпоче и Джигме Кхьенце Ринпоче. В переводе этого конкретного текста участвовали Джон Канти, Ани Джинпа Палмо, Дэниел Стаффлер, а также я сам. Мы хотели бы выразить глубокую признательность Эрику Пеме Кунсангу, который любезно позволил нам включить в эту книгу выдержки из своего перевода двух историй о жизни Кхьенце Ринпоче, услышанных им от Тулку Оргьена Тобгьяла.

*Матье Рикар
Монастырь Шечен
Непал
Июль 2008 г.*

² Dilgo Khyentse, Brilliant Moon: The Autobiography of Dilgo Khyentse, translated and compiled by Ani Jinba Palmo, edited by Michael Tweed (Boston: Shambhala Publications, 2008) (Дилго Кхьенце. Сияющая луна).

Вступление

В Тибете буддийская культура развивалась более тысячи лет и всегда являлась основой тибетского общества. Монахи и монахини составляли приблизительно четверть населения, что само по себе было беспрецедентным явлением в мировой истории человеческой цивилизации. Духовная практика считалась основной целью жизни, и миряне – мужчины и женщины, кочевники, сельские жители и торговцы – считали, что их повседневные дела, хоть и представляют немалую важность, но всё же вторичны по отношению к их духовным устремлениям.

Такая всеобщая преданность духовной практике, без сомнения, развилась благодаря прагматизму, с которым буддисты стремятся к своей главной цели – совершенствоваться как человеческое существо, разбираясь с сущностью страдания и счастья. Интерес к духовному развитию также подогревался красотой, необъятностью и природной чистотой тибетского ландшафта, который наиболее подходил для созерцательного образа жизни. Но, самое главное, традиция тибетского буддизма явила свету мастеров – как мужчин, так и женщин, – чей наглядный пример совершенства стал нескончаемым источником вдохновения для всего общества.

Обычно духовный путь тех, кто разочаровался в ценностях материального мира, начинается с поисков учителя и дальнейшего обретения уверенности в его качествах. Затем ученики усердно изучают его наставления и выполняют практику медитации в монастырях, горных уединённых жилищах или, как в случае семейных мирян, в собственных домах, когда выдаётся свободное время в соответствии с традиционным укладом тибетской жизни. Некоторые практикующие в результате тоже становятся квалифицированными мастерами и обретают способность приносить пользу другим. Если разобраться, то научиться методам, позволяющим быть максимально полезным другим, – это главная цель любого практикующего буддиста.

Таким образом, можно сказать, что буддийский путь напрямую связан с альтруизмом. На уровне культуры это выражается в заботе о других и выражается как ненасилие по отношению к другим людям, животным и окружающей среде. Тибетцы избегают войн, охоты, рыбалки и всячески защищают природные ресурсы своей страны, не позволяя себе чрезмерное их использование.

Каждый, кто отправляется в путешествие в Страну снегов или встречает тибетских беженцев за пределами Тибета, обычно бывает поражён чертами их характера – уникальным сплавом жизнерадостности, силы воли и глубоко укоренившейся уверенности в действенности буддийской доктрины.

В конце пятидесятых годов прошлого столетия эта тысячелетняя идиллия была грубо нарушена вторжением войск коммунистического Китая. В шестидесятых годах началась «культурная революция», и в последующие двадцать лет около миллиона тибетцев – одна шестая часть всего населения – погибли в результате гонений и голода. Было уничтожено более шести тысяч монастырей и храмов. Священные тексты были сожжены или утоплены в водоёмах. Драгоценные бронзовые статуи были переплавлены в ружья и пушки. Это был геноцид тибетцев как нации и истребление их культуры.

Около ста тысяч тибетцев под руководством своего лидера Четырнадцатого Далай-ламы переправились в качестве беженцев в Индию и другие соседние государства, где изо всех сил пытались сохранить ощущение национальной свободы и фундаментальные ценности своей культуры. Множество великих мастеров четырёх основных школ тибетского буддизма продолжали давать учения и основали новые монастыри в местах вынужденного изгнания.

Вслед за смертью Мао Цзэдуна для тибетцев наступили более благоприятные времена. В 1981 году, после двадцати пяти лет изоляции от родины, тибетские беженцы начали получать новости от своих родственников, оставшихся в Тибете. Некоторые монастыри были отстроены заново, и теперь в них имели право проживать монахи. Их число было строго ограничено, но

теперь они могли получать буддийское образование и хранить обеты. Эта ситуация, конечно, была далека от истинной свободы, но в любом случае подобные изменения были к лучшему. Таким образом установилась связь между традиционными учителями, живущими в Тибете, и молодым поколением тибетцев, которые, как это ни удивительно, проявляли живой интерес к обучению и монастырской жизни. В какой-то момент китайцы осознали, что гонения и преследования мало что изменили в отношении тибетцев к своей культуре. Тогда режим обратился к иным методам воздействия. Вместо того чтобы пытаться изменить самих тибетцев, власти Китая решили наводнить Тибет китайскими переселенцами. План заключался в том, чтобы сделать тибетцев национальным меньшинством на их исторической родине. Если эта ситуация не изменится в ближайшее время, то переселение сделает то, что не смогли сделать гонения и преследования, и тогда мир может потерять эту уникальную нацию и её культуру.

Центром тибетского мира является *лама*, или духовный учитель. В 1985 году один из величайших тибетских учителей нашего времени Дилго Кхьенце Ринпоче после тридцати лет изгнания посетил Тибет. Огромные толпы народа, собравшегося для того, чтобы встретить его, можно, без сомнения, рассматривать как ясный знак того, что в Тибете всё ещё сохраняются предпосылки для возрождения. В то же время это не будет обычное возвращение к прошлому. Вынужденное изгнание стало причиной того, что многие тибетские учителя начали вдохновлять и обучать людей из других стран, которые смогли разглядеть тот огромный потенциал, который заложен в тибетской культуре.

Дилго Кхьенце Ринпоче является архетипом духовного учителя – того, чей внутренний путь принёс ему глубочайшие знания и даровал способность становиться источником любящей доброты, сострадания и мудрости для каждого, кому довелось с ним встретиться.

Матье Рикар
Монастырь Шечен
Непал
Июль 1996 г.

Глава 1

Ранние годы

Кхьенце Ринпоче родился в 1910 году и стал четвёртым ребёнком в семье Дилго, которая вела свою родословную от великого царя Тибета, жившего в IX веке, – Трисонга Децена. Семья Ринпоче проживала в долине Денкхог, в Кхаме – самом восточном из четырёх основных регионов Тибета. Кхам состоял из множества малых королевств, самым большим и влиятельным из которых было королевство Деге. Дед Кхьенце Ринпоче, Таши Церинг, а позже и его отец были министрами царя Деге. В автобиографии Ринпоче пишет:

Один из моих предков погиб в бою, сражаясь в армии царя Деге. В качестве компенсации за его смерть семья Дилго была награждена обширным наделом земли в долине Денкхог. Во времена моего прапрадедушки наша семья обычно каждую весну посылала в долину пару работников, чтобы те обработали поля и проследили, что происходит в округе. Сделав свою работу, пара возвращалась в Деге для зимовки. Они очень любили одного из детей семьи Дилго – моего дедушку. Следует сказать, что дедушка никогда не был «самым любимым» ребёнком в семье. По правде говоря, его почти никто не замечал, и потому эта пара со временем взяла на себя заботу о нём. Он практически стал их сыном, сохранив, впрочем, имя своей реальной семьи.

В какой-то момент было решено, что эта пара работников должна переселиться в долину Денкхог насовсем. Они собирались скрыть своё отбытие от Таши Церинга, пытаясь уберечь его от печали расставания, но мальчик обо всём узнал. Когда они уезжали, он собрался в дорогу и настоял на том, чтобы ехать с ними. В конце концов семья отпустила его в жить долину.

Со временем он стал в Деге очень влиятельным человеком, министром местного правительства, и был очень популярен в народе благодаря своей честности, уму и образованности. Его жена считалась образцовой практикующей Дхарму и была известна тем, что повторила мантру Будды Сострадания Ченрези огромное количество раз. Это были мои дедушка и бабушка, а мой отец, соответственно, был их сыном.

Основными ламами в нашей семье считались Джамьянг Кхьенце Вангпо и Джамгон Конгтрул. В молодости мой отец увлекался охотой, даже несмотря на то что дед постоянно говорил ему, что Джамьянг Кхьенце Вангпо не одобряет подобные занятия. Однажды вся наша семья отправилась посетить монастырь Дзонгсар, чтобы повидать Джамьянга Кхьенце Вангпо. Лама позвал моего отца в свою комнату и спросил:

– Ты же не убиваешь животных?

– Убиваю, – волнуясь, ответил отец, – но совсем немного. (В Тибете никто не врёт ламе о таких вещах.)

– Но Дилго довольно зажиточная семья, и охотиться нет никакой необходимости, – сказал Джамьянг Кхьенце. – Тебе следует сегодня же взять обет никогда больше не охотиться.

Он взял священное изображение Будды и коснулся им головы отца, который чувствовал себя от стыда как на раскалённых углях.

Когда отец вернулся домой, дед спросил его:

– Что тебе сказал Ринпоче?

Но отец был слишком расстроен, чтобы рассказывать о произошедшем.

– Ринпоче ведь сказал тебе, что охотиться не следует? – настаивал дед.

– Сказал, – ответил отец.

В действительности дед не говорил Джамьянгу Кхьенце Вангпо о том, что отец ходит на охоту, и если тот и узнал об этом, то лишь в силу своей особой способности всеведения. С того самого времени отец больше никогда не ходил на охоту.

Моя мать была дочерью другого министра правительства Деге. Она всегда была очень мягкой женщиной, в то время как у отца был более жёсткий нрав.

Наше поместье было огромным, под стать окружающему ландшафту, и насчитывало более сотни комнат, включая несколько богато убранных храмов. В западном крыле главного здания находился основной храм, но как бы громко в нём ни играли на ритуальных инструментах, их звуки не достигали восточного крыла, где были покои родителей. Когда мне было семь лет, я, бывало, заворачивался в красную накидку, чтобы быть похожим на монаха, и просил одеться подобным образом наших работников. Нас набиралось восемь человек, и вместе мы проводили ритуальные церемонии. Когда многочисленные посетители, приходившие, чтобы встретиться с отцом, видели это, то обычно спрашивали, из какого мы монастыря, и это меня всегда страшно веселило.

Летом, закончив свои утренние занятия, я обычно отправлялся в горы и ставил палатку на каком-нибудь живописном лугу, полном полевых цветов. Я мог просидеть там целый день, играя на берегу ручья. Я возвращался домой за полдень, чтобы вернуться к занятиям.

Моя семья владела стадами общей численностью около десяти тысяч голов. Большая часть поголовья была отдана в аренду кочевникам, которые взамен делились с нами своей прибылью. Наши поля давали работу множеству людей – пару месяцев поздней весной, после того как сойдёт снег, и ещё пару месяцев осенью, когда приходила пора собирать урожай.

Когда отцу минуло пятьдесят, наш дом в долине Денкхог был разрушен землетрясением, в результате чего погибла моя бабушка, дедушка и старший брат.

Вскоре после того, как в семье появился третий ребёнок, у ламы, жившего в нашем поместье, было несколько благоприятных видений. Одно видение было о том, что в нашем доме, который был переполнен людьми, раздавались звуки знаменитых кимвалов, хранящихся в монастыре Бенчен. Лама интерпретировал это видение как знак того, что третий ребёнок, родившийся в нашей семье, является реинкарнацией Сангье Ньенпы, великого учителя из монастыря Бенчен. Однако мой отец пришёл в ярость от этого объяснения, поскольку не хотел отдавать сына в монастырь. Он сказал ламе, что если бы тот не был таким близким другом семьи и не прожил с нами под одной крышей столько лет, то получил бы сотню ударов кнутом за подобные «откровения». Но всё кончилось тем, что отец вынудил ламу дать слово, что тот не будет распространяться о своих видениях. Однако позже уже сам Кармапа официально заявил, что ребёнок был перерождением Сангье Ньенпы, и, хоть и неохотно, отец был вынужден подчиниться и отправить своего сына в монастырь Бенчен. Он был очень обеспокоен тем, что и другие его сыновья могут быть признаны реинкарнациями известных учителей.

Когда моя мать была беременна мной – четвёртым ребёнком в семье, наша семья навещала Мипама Ринпоче, великого учителя, жившего в уединении в часе езды от нашего поместья. Мипам Ринпоче сразу же поинтересовался, не беременна ли моя мать. Родители подтвердили его предположение и попросили Ринпоче определить, кто должен родиться – мальчик или девочка. «У вас будет сын, – сказал Ринпоче, – и очень важно, чтобы вы дали мне знать о его рождении безотлагательно».

Долина Денкхог, Восточный Тибет. Место рождения Дилго Кхьенце. *Фото Матье Рикара*

Я родился в доме семьи Дилго у подножья горы в особый день третьего месяца года Железной Собаки (1910), во время благодарственного пиршественного подношения в честь учений по Калачакра-тантре, которые давал Мипам Ринпоче. Это был очень благоприятный день, выпавший на понедельник, третий день месяца. Всеведущий Мипам Ринпоче послал письмо моим родителям, в котором попросил назвать меня Таши Палджор и дать мне съесть растворённый в жидкости *мендруб* Манджушри сразу же после рождения, даже перед тем, как я попробую молоко матери. Сразу же после того, как я родился на свет, на моём языке нарисовали слог ДХИ тем самым священным мендрубом, который прислал Ринпоче. С тех самых пор до самой своей смерти Мипам Ринпоче давал мне мендруб Манджушри и другие священные субстанции ежедневно.

Вскоре после того, как я родился, родители отвезли меня к Мипаму Ринпоче, который провёл для меня ритуал очищения и даровал благословения долгой жизни. Он сказал, что подобные церемонии проводились в Индии для каждого новорождённого. Он также подарил мне жёлтую шёлковую ленту и сосуд с нектаром. Я родился с длинными волосами, и отец, решив, что такие волосы могут повредить мне глаза, спросил Мипама Ринпоче, можно ли их остричь. Ринпоче ответил:

– Не стриги ему волосы. Существует китайский обычай заплетать ребёнку волосы в пять прядей, чтобы он был похож на Манджушри. Так следует поступить и тебе.

По просьбе матери он написал своей рукой на листке бумаги моё имя – Таши Палджор (Благая Слава). С тех пор мать хранила этот листок в своей книге молитв. Существует индийский обычай отмечать рождение ребёнка пиршеством, поэтому Мипам Ринпоче угостил всех членов нашей семьи сладким картофелем и маслом. Через какое-то время мы снова приехали навестить Ринпоче. Он даровал мне посвящение Манджушри и сказал:

– Я буду заботиться о тебе на протяжении всех твоих последующих жизней.

Я знаю, что это его благословение было главным событием всей моей жизни. Каждый раз, когда я сам изучаю Дхарму или учу ей других, я ощущаю, что если я и достиг некоторого

понимания Дхармы, то лишь благодаря доброте Мипама Ринпоче, который являлся воплощением самого Манджушри.

Когда мне исполнился год, нас навестил великий лама Лотер Вангпо, который был главным учеником Джамьянга Кхьенце Вангпо среди адептов школы сакья. В то время в наших краях бушевала эпидемия, и моя семья, опасаясь, что я могу заболеть, отправила нас с матерью в горы, где мы поселились в палатке одной из семей кочевников, арендующих наш скот. Но когда приехал Лотер Вангпо, мать отвела меня обратно вниз, чтобы повидать его.

Ринпоче даровал мне своё благословение, прочитал несколько молитв-призываний и сказал матери:

– Этот ребёнок не похож на других. Я хочу взглянуть на линии на его ладонях.

Он с трудом приподнялся (поскольку был довольно грузным человеком) и подвёл меня к входу в храм. Внимательно рассмотрев мои руки при дневном свете, он сказал:

– Это и правда особый ребёнок.

Мы вернулись в его комнату, и он подарил мне бусину из чёток Джамьянга Кхьенце, которые носил на шее в маленьком мешочке из красной парчи. Он также сделал охранный браслет из шёлка и попросил своего помощника принести особый белый хадак, на котором были вышиты слова благих пожеланий. Его помощник был довольно бережливым человеком, и, видимо, поэтому принёс обычный хадак. Лотер Ринпоче рассердился и послал его искать тот особый хадак. Тогда помощник принёс другой хадак, который оказался при ближайшем рассмотрении старым и засаленным. Тогда Ринпоче рассердился ещё сильнее и отправил помощника купить новый особый хадак.

Моя мать была очень скромной женщиной и поэтому всё это время повторяла:

– Да не нужно так беспокоиться! Этот хадак вполне хорош для нас.

Но Лотер Вангпо настаивал:

– Нет, тут нужен особый хадак. Когда я был в монастыре Дзонгсар, Кхьенце Чокьи Лодро попросил меня найти реинкарнацию Кхьенце Тулку. И ваш сын как раз является перерождением моего учителя Джамьянга Кхьенце Вангпо. На протяжении последних трёх дней я видел сны и видения о Джамьянге Кхьенце Вангпо, и когда я сегодня увидел вашего мальчика, у меня не осталось сомнений.

Если дело было достаточно важным, отец всегда советовался с Мипамом Ринпоче, и в этот раз ответ был таким: «Сейчас слишком рано объявлять о том, что этот мальчик является реинкарнацией Кхьенце, поскольку это может привести к возникновению препятствий».

Таким образом, в тот год отец решил не отдавать меня ни Лотеру Вангпо, ни монастырю Дзонгсар.

Когда мне было два года, Мипам Ринпоче умер, и на его похороны прибыл учитель, которого звали Шечен Гьялцаб Ринпоче. Пока он оставался у нас, я часто навещал его. Он сказал моему отцу, что позже тот должен привезти меня в монастырь Шечен, поскольку там я смогу принести максимальную пользу учению Будды и всем живым существам. Тогда отец спросил его, по каким признакам он всё это определил. На это Шечен Гьялцаб Ринпоче, который обычно не распространялся на такие темы, ответил, что в ночь перед нашей встречей у него был сон, что изображение защитницы долгой жизни Церингмы в нашем храме обернулось самой богиней и она попросила его позаботиться о ребёнке, который послужит сохранению и распространению учения Будды. Мой отец был очень прямым человеком и ответил, что если про «сохранение учения и пользу для существ» – это всё правда, то он, конечно же, отправит меня в монастырь Шечен, но если речь идёт лишь о том, чтобы я занял трон и погряз в политических играх официального духовенства, то ни о каком монастыре и речи быть не может. Однако Ринпоче уверил его, что всё, что он говорит, истинная правда, и отец согласился отправить меня в монастырь. Однако на тот момент я был ещё слишком мал, чтобы ехать туда безотлагательно.

Перед самой смертью Мипам Ринпоче сказал Ламе Осэлу, своему давнишнему другу и помощнику:

– Когда я умру, ты почувствуешь сильную боль, но это будет ненадолго.

Когда Мипам Ринпоче умер, Ламе Осэлу было так плохо, что он чуть не сошёл с ума. Он ничего не ел и только метался по своей комнате. Прошло сто дней со дня смерти Ринпоче, и у Ламы Осэла было видение, в котором Мипам Ринпоче летел в небе. На нём была шапка пандита, и он записывал какой-то текст. Заканчивая очередную страницу, он каждый раз бросал её Ламе Осэлу. Он писал буквы не чёрными чернилами, а сверкающим, как бриллиант, золотистым светом. Лама Осэл посмотрел на одну из этих страниц и смог прочесть несколько слов: «Осэл... Джалу... Дордже... Струющийся свет... радужное тело... неразрушимый...». Затем Мипам Ринпоче указал рукой на небо и повторил три раза: «Осэл Джалу Дордже!». С тех пор Лама Осэл больше не испытывал боль из-за кончины учителя.

Прошло совсем немного времени после ухода Мипама Ринпоче, когда я встретил другого великого мастера – Кунсанга Дечена Дордже. Он сказал:

– Мы с этим мальчиком были знакомы и раньше.

Затем он спросил меня:

– Ты ведь меня помнишь?

– Ты помнишь этого человека? – повторил его вопрос отец.

– Да, я помню, – ответил я и почувствовал, что мне из-за этого даже немного страшно.

Кунсанг Дечен Дордже сказал:

– Наша связь продолжается уже в течение множества жизней. Я хочу сделать мальчику особый подарок.

У него была коллекция редких чаш. Золото и серебро как таковые его не интересовали, но свою коллекцию чаш он очень ценил. Он сказал своей жене:

– Принеси ящик с чашами.

Так я стал обладателем редкой и драгоценной чаши, которую вдобавок к этому до краёв наполнили сладким изюмом.

Отец рассказал Кунсангу Дечену Дордже, что мы отправляемся в паломничество в Лхасу, и попросил его благословить нас и оберегать во время путешествия.

– Я буду молиться за вас, – пообещал Кунсанг Дечен Дордже. – Обычно я начисто забываю имена тех, за кого пообещал помолиться, и тогда я вынужден просить жену напомнить их мне, но имя этого мальчика я никогда не забуду.

Итак, мы отправились в Лхасу. Когда мы добрались до города, то встретились там с другим известным ламой, Таглунгом Матрулом. Он сказал моему отцу:

– Тебе следует уделять этому ребёнку особое внимание, поскольку очевидно, что он является реинкарнацией какого-то ламы.

Отец ничего не ответил, но когда мы вернулись домой, он заявил:

– Похоже, ламы не позволят мне оставить сына дома, но я по-прежнему не хочу, чтобы он сам становился ламой. У нас большая семья, огромные владения и земли, которые требуют управления. Поэтому мой сын должен оставаться мирянином, хозяином всего этого.

Когда мы вернулись в Кхам, мой отец, старший брат, которого звали Шедруб, и я встретились с великим учителем Адзомом Другпой. Это был очень необычный человек. Он носил белую шёлковую рубаху и красную парчовую накидку, а на его шее висело ожерелье из агатов. У него были длинные чёрные волосы с лёгкой проседью, которые были собраны в пучок на верхушке головы и перевязаны лентой. Он спросил меня, не я ли тот сын, которому будет доверено управление всем именем Дилго:

– Ведь ты одет как мирянин, а твои волосы собраны в пучок, как обычно делают мужчины в Деге.

Затем он рассмеялся и продолжил:

– Так или иначе, но этот мальчик действительно будет нести ответственность за имение семьи. Однако существует серьёзное препятствие. Вы хотите, чтобы я объяснил вам, как его избежать?

Отец, конечно же, согласился.

Адзом Другпа задумался на мгновение и сказал:

– Всё-таки будет лучше, если он станет монахом.

На это отец ответил, что такой вариант развития событий маловероятен. Тогда Адзом Другпа пообещал, что в таком случае попробует устранить препятствие. В комнату принесли стрелу долгой жизни, и взрослые измерили её длину. Адзом Другпа прочитал молитву-призывание долгой жизни, и они снова измерили длину стрелы. Выяснилось, что стрела стала на пядь короче.

– Это указывает на то, о чём я говорил, – сказал Адзом Другпа, – это то самое препятствие.

Однако произошедшее не особенно впечатлило отца. Адзом Другпа прочитал молитву-призывание ещё три раза, после чего стрелу снова измерили, но на этот раз она стала даже длиннее, чем была изначально.

– Я не совсем обычный человек, – сказал Адзом Другпа, – и если вам интересно моё мнение, то я повторю ещё раз: мальчику всё же лучше стать монахом.

Но отец лишь упорно молчал. На протяжении следующих семи дней Адзом Другпа давал мне благословение долгой жизни. В последний день он сказал:

– Мне удалось устранить препятствие.

Вскоре мы вернулись домой, и на этом разговоры о моём монашестве прекратились.

По дороге в Денкхог мы встретили Дзогчена Ринпоче, который организовывал большой пикник перед главным входом монастыря Дзогчен. Он также высказал мнение, что у меня будут препятствия и для их устранения нам следует как можно чаще даровать жизнь животным. У нашей семьи было много животных, и когда мы вернулись домой, по распоряжению отца несколько тысяч овец, яков и коз избежали забоя.

В тот самый год я обварился супом. Самым сложным временем года для нашей семьи было лето, поскольку мы работали на земле, и у всех было множество дел. В этот период мы нанимали много помощников. В нашем имении всегда было полно работы, и поэтому нам требовались работники. Для этих работников на кухне в огромном котле готовили суп. Однажды вечером мы с братом играли недалеко от очага, перекидывая туда-сюда угольки. Один из этих угольков угодил мне прямо в голову. Я потерял равновесие и приложился к котлу с супом. Кипяток плеснул мне на ногу. Я носил чубу из овчины, и она буквально приварилась к моей коже, что вызвало сильный ожог. Моя левая нога покрылась волдырями и ужасно болела.

Нижняя часть моего тела так сильно обварилась, что мне пришлось провести в постели несколько месяцев. Я тяжело переносил эту болезнь, несмотря на то что родные заказывали для меня множество ритуалов долгой жизни. Однако в каком-то смысле это была настоящая удача, поскольку отец, обеспокоенный случившимся, попросил нескольких лам погадать о моём будущем, и они, не сговариваясь, все сказали, что мне лучше стать монахом. Шечен Гьялцаб сказал, что мне не прожить долгую жизнь, если моё намерение стать монахом не будет осуществлено.

Отец был в отчаянии. Он спросил меня:

– Какую церемонию, на твой взгляд, нужно провести, чтобы тебе стало полегче? Есть какой-то способ сохранить твою жизнь? Если такой способ есть, мы обязательно сделаем всё необходимое.

Больше всего на свете я хотел стать монахом и сказал отцу:

– Лучшее средство в этой ситуации – носить монашеские одежды.

Отец тут же распорядился сшить одежды. Когда их положили на мою кровать, я почувствовал настоящую радость. Я также хранил под подушкой ритуальные колокольчик и дамару.

На следующий день я спросил Ламу Осэла побрить мне голову. Говорят, в тот день некоторые из наших домашних работников были расстроены до слёз, поскольку «последний из братьев Дилго собирается взять монашеские обеты, а это означает, что у семьи не будет наследников». Но сам я был очень счастлив, так счастлив, что даже почувствовал себя лучше, здоровье моё пошло на поправку, и мне больше не грозил риск летального исхода. Мне было тогда десять лет.

Не случись этого происшествия, я не смог бы обучаться у Шечена Гьялцаба и остальных своих учителей. Когда я стал монахом, отец спросил, где я должен проживать. Многие ламы настаивали на том, чтобы меня возвели на трон, но отец изъявил желание, чтобы я проживал дома. Он сказал, что поскольку я был тулку, то, пошли он меня в один из монастырей – Шечен или Дзогчен, я лишь буду тратить своё время впустую, живя на подношения. Поэтому, после того как я стал монахом, я так и остался жить в доме своей семьи.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, я написал стихотворение:

Кьема! Кьеху!
Любимые родители, что подарили мне жизнь, наполненную
Свободами и благоприятными возможностями,
Вы заботились обо мне с любовью —
С самого детства и по сей день.

Именно вы познакомили меня с истинным учителем,
И благодаря вашей доброте я вступил на путь освобождения.

Услышав историю жизни своего совершенного учителя, я
размышлял о ней, а затем сделал объектом медитации.
Я решил, что постепенно оставляю позади все заботы обычной
жизни
И отправлюсь бродить по пустым, безлюдным долинам.

Отец и мать, оставайтесь же в своём красивом комфортном доме,
А я, ваш сын, мечтаю лишь о свободной пещере в горах.

Благодарю вас за удобную добротную одежду, которую вы мне
дали,
Но теперь я в ней не нуждаюсь, поскольку мне больше по душе
накидка из бесцветного войлока.

Я оставляю вам все свои ценности;
Чаша для подаяний, посох и накидка практикующего Дхарму – вот
всё, что мне нужно.
Я отказываюсь от удобств и имущества без всякого сожаления,
Текст с драгоценными наставлениями – вот единственное моё
сокровище.

Я уйду из этого сада распустившихся цветов
И направляюсь в дикие места, где видны лишь крутые утёсы.

Мне не нужны слуги, которые лишь подливают масла в огонь гнева
и привязанности;

Птицы и дикие звери – вот компания, которая мне по душе.
Когда я находился в присутствии своего всеблагого учителя,
Во время посвящения тайной сердечной сущности
Я поклялся отказаться от всех дел обычной жизни
И посвятить себя целиком практике Дхармы.
В моём сердце эта клятва остаётся ясной и отчётливой, словно она
высечена в камне.
И теперь мне ничего не остаётся, кроме как отправиться в горы
для уединённого ретрита.

Несмотря на то что теперь ваш сын будет пребывать один в горных
ущельях,
Ваши улыбающиеся лица будут всегда оставаться перед моим
внутренним взором,
Вашу доброту ко мне я никогда не забуду.
И если осилю твердыню реализации,
То этим отплачу за вашу доброту ко мне, не сомневайтесь!

Глава 2

Встреча с духовными учителями

Джамьянг Кхьенце Вангпо (1820–1892), мастер, который был предшественником Кхьенце Ринпоче, провёл тринадцать лет, беспрестанно путешествуя по всему Тибету, получая бесконечные передачи и посвящения различных традиций, школ и линий передачи тибетского буддизма, многие из которых к тому моменту были на грани исчезновения. Он передвигался пешком, и всё его имущество составлял изношенный заплечный мешок. Поговаривают, что за время своих путешествий он сносил три пары сапог. Собрав все эти драгоценные учения, Джамьянг Кхьенце Вангпо и другой великий мастер, Джамгон Конгтрул, старательно отредактировали и систематизировали собранный материал, а затем издали его в виде собрания из пяти томов. Однако их замысел заключался не только в том, чтобы издать тексты: они также намеревались доверить «живые» линии передачи будущим поколениям практикующих, поскольку без личной передачи знания от учителя ученику тексты остаются лишь символами учения, не более того. Сохраняя и распространяя подобным образом множество учений, Джамьянг Кхьенце Вангпо положил начало ренессансу буддизма в Тибете – возрождению, которое позже стало источником вдохновения для многих живших в то время мастеров. В возрасте сорока лет Джамьянг Кхьенце Вангпо решил уйти в ретрит до конца жизни. С тех пор он никогда не покидал своего уединённого жилища до самой смерти в возрасте 73 лет.

На северо-востоке от Деге находится Шечен – один из шести основных монастырей школы ньингма. Именно в этом монастыре близкий ученик Джамьянга Кхьенце Вангпо – Шечен Гьялцаб Ринпоче (1871–1926) распознал Дилго Кхьенце Ринпоче как одну из пяти реинкарнаций великого ламы и возвёл его на трон. Мальчику в то время было двенадцать лет. Кхьенце Ринпоче рассказывает в автобиографии о тех особых годах своей жизни, которые он провёл рядом со своими учителями:

После того как я стал послушником в возрасте десяти лет, в долину Денкхог прибыл проездом по дороге в Кьерку, где он руководил строительством буддийского монашеского университета, великий учёный по имени Кхенпо Шенга. Он принял меня за реинкарнацию своего учителя Онпо Тенги, который также являлся коренным учителем моего собственного отца. Он сказал, что мне следует поступить в его университет, где он сможет обучать меня Дхарме. Так я попал в Кьерку и получил от Кхенпо Шенги подробные объяснения по тексту «Вступая на путь бодхисаттвы» и наставления по философии мадхьямаки (Срединного пути).

По утрам я получал у Кхенпо Шенги учения, а затем занимался самостоятельно. Днём я сдавал небольшой экзамен, отвечая на вопросы, которые он задавал по пройденному утром материалу, и повторял очередной отрывок текста, который нужно было выучить наизусть. Иногда по вечерам мы уходили за пределы территории университета, чтобы немного развлечься и поиграть. Однажды лама показал мне, что если кидать маленькие камешки в большой камень, который находился у входа в его дом, то копошащиеся рядом мыши-полёвки в страхе разбегаются в разные стороны. У него самого очень ловко это получалось. Я думаю, он постоянно развлекал меня подобным образом, чтобы мне не наскучили наши занятия.

Когда я впервые приступил к изучению текста «Вступая на путь бодхисаттвы», Кхенпо Шенга трижды за день посылал одного из своих учеников, чтобы тот проверил моё понимание. На следующий день, когда я сдал экзамен, он был очень доволен. Он сказал, что когда Патрул Ринпоче изучал этот текст, даже он не мог выучить больше одного четверостишия за раз, поэтому мы будем изучать не более одной страницы за день. Посвящая свои ежедневные лекции комментированию этого текста, он сделал так, что мне пришлось прочитать его в общей сложности около сотни раз. Днём мне обычно разрешалось часок поиграть. Сейчас я уже точно

не могу сказать, было ли это благодаря этому дневному отдыху, но я никогда не ощущал скуки от занятий.

В год Обезьяны (1920) я вернулся в Джекундо. Кхенпо Шенга давал собранию из почти трёхсот монахов учения по тексту «Вступление на срединный путь», и я получил их вместе со всеми. Каждый день я сдавал экзамен лично, но несколько раз мне пришлось отвечать на вопросы публично, в присутствии множества других учеников Кхенпо Шенги. Я помню, что все очень удивлялись тому, как я отвечал, поскольку мой наставник, Карма Цултрим, также давал мне подробные пояснения по тексту. Вдобавок к этому я самостоятельно изучал личные заметки моего брата Шедруба, который также изучал этот текст. Я очень благодарен им за помощь, поскольку моих собственных способностей никогда бы не хватило для глубокого понимания этих подробных и сложных учений.

Мой брат Шедруб сказал мне: «Ученики Патрула Ринпоче сначала добивались ясного понимания коренного текста, используя построчный комментарий. Если начать сразу же с изучения подробного объяснения текста, то понимание, которого мы достигнем, будет поверхностным. Поэтому мы заучиваем строфы, чтобы понять общий смысл, а комментарии разбираем, чтобы повысить эффективность своих занятий. В наше время существует очень много построчных комментариев, в которых теряется общий смысл, и потому их изучение не приводит к глубокому пониманию». Таким образом он дал мне очень важные наставления о том, как новичку следует подходить к изучению текстов, и это объяснение мне позже очень помогло.

Прошло некоторое время, и Кхенпо Шенга уехал в Деге, к Пещере Радужного Света, где он стал вести жизнь в строгом ретрите подобно Миларепе. Я последовал за ним и оставался рядом в течение пяти месяцев, получая учения, включая комментарии к тексту Патрула Ринпоче «Слова моего всеблагородного учителя». В один из дней Кхенпо Шенга сказал мне:

– Взгляни на природу ума и скажи мне, что ты видишь.

Недалеко от нашей палатки, под утёсом скалы раскинулся чудесный луг. Я сидел там и медитировал, и в какой-то момент меня озарило, что природа ума является пустой и ясной. Я рассказал об этом Кхенпо Шенга, и они вместе со знаменитым отшельником Кунгой Палде-ном были очень обрадованы моим ответом. Они расценили это снизошедшее на меня откровение как знак того, что я выполнял практику в предыдущих жизнях. Но сам я считал, что пришёл к такому заключению в результате концептуального анализа, который освоил, когда изучал философию мадхьямаки, и сильно сомневался, что получил прямой опыт переживания окончательной природы ума.

Спустя некоторое время после моего возвращения домой мой старший брат Шедруб сказал мне, что изучение Дхармы – дело важное, но одного теоретического знания недостаточно. Он посоветовал мне искать учителя, обладающего наивысшей реализацией. С его точки зрения, наиболее реализованным учителем из всех живущих был Шечен Гьялцаб Ринпоче. Другой мой брат, Сангье Ньенпа Ринпоче, только что закончил трёхлетний ретрит и тоже собирался встретиться с Шеченом Гьялцабом Ринпоче. Таким образом мы – трое братьев, отец и ещё десять человек из наших мест – отправились в монастырь Шечен.

Когда мы прибыли, помощник Шечена Гьялцаба Ринпоче приветствовал нас двумя церемониальными хадаками – один он поднёс мне, другой Сангье Ньенпа Ринпоче. Он передал нам слова Шечена Гьялцаба Ринпоче о том, что нам двоим лучше подождать со встречей до наиболее благоприятного дня, поскольку это будет наша самая первая встреча в монастыре Шечен. Шедрубу же, который уже встречался с ламой в этом монастыре, было разрешено увидеться с ним в любое время, какое ему будет удобно.

Мы прождали три дня, прежде чем получили аудиенцию. Мне наше ожидание показалось очень долгим, ведь это была моя первая встреча с учителем. Я уже истомился ожиданием, когда нас наконец позвали в ретритный дом Ринпоче. Вместо монашеских одежд на нём была надета жёлтая жилетка, отороченная мехом. Он редко покидал ретрит, и поэтому его волосы,

завивающиеся в локоны, были настолько длинными, что ниспадали на плечи. Мы расселись, и нас угостили сладким рисом, приправленным шафраном. Шечен Гьялцаб Ринпоче расспрашивал об учителях, которых встречал Сангье Ньенпа Ринпоче, и тех учениях, которые он от них получал. Этот разговор длился более трёх часов.

Ретритный дом Шечена Гьялцаб Ринпоче был построен на площадке, расположенной на уступе склона горы, в сорока пяти минутах ходьбы от монастыря Шечен. В это удивительное место вела довольно крутая тропа, которая становилась очень мокрой во время сезона дождей. Из окна этого дома можно было увидеть монастырь и реку, текущую вниз по долине и окружённую со всех сторон горами, с вершин которых практически круглый год не сходил снег. Ниже дома, на склоне, среди зарослей можжевельника находилась поляна, которая была идеальным местом для того, чтобы посидеть в медитации в солнечный день. Ещё ниже можно было обнаружить маленькую пещеру, которая называлась Пещера Сияния Великого Блаженства, – в ней Шечен Гьялцаб Ринпоче провёл в ретрите долгие месяцы. Выше по склону были и другие пещеры. В одной из них на поверхности каменных стен спонтанно проступили священные изображения. На полпути в монастырь располагался главный ретритный центр, где в это время около двадцати монахов находились в традиционном ретрите, который длится три года, три месяца и три дня.

Шечен Гьялцаб Ринпоче был, бесспорно, одним из самых знающих и реализованных учителей того времени. Однажды он ушёл в трёхлетний ретрит, но, ко всеобщему удивлению, неожиданно вышел из него, объяснив это тем, что уже достиг тех целей, которые в этом ретрите для себя поставил. На следующее утро его помощник заметил на каменной ступеньке его ретритного дома отпечаток ступни. Позже эта ступенька была аккуратно извлечена его учениками как реликвия и хранилась в тайном месте, чтобы уберечь её от уничтожения в ходе «культурной революции». Эту ступеньку с отпечатком ступни Ринпоче можно увидеть в монастыре Шечен и в наши дни.

В монастыре в то время проживали в общей сложности около двухсот монахов. Настоятелем был Шечен Рабджам Ринпоче – другой мой коренной учитель, и именно он давал монахам наставления по практике и даровал посвящения. Он часто посещал и другие монастыри, куда его приглашали, чтобы дать учение, поэтому ему приходилось много путешествовать по Центральному Тибету.

Шечен Гьялцаб
Пема Намгьял.
Фото Маттье Рикара

Шестой Шечен Рабджам Ринпоче.
Фото неизвестного автора

Кхьенце Чокьи Лодро.
Фото неизвестного автора

Шечен Конгтрул.
Фото неизвестного автора

В монастыре Шечен проживал ещё один великий учитель – Шечен Конгтрул Ринпоче. Он жил с другой стороны горной реки от ретритного дома Шечена Гьялцаба, также на горном выступе, где образовалась ровная площадка – красивое место, где на лугах летом цвели жёлтые цветы, а в пихтовом лесу можно было насобирать вкусных грибов. Шечен Конгтрул Ринпоче

был великим практикующим и, так же как и Шечен Гьялцаб, не проявлял ни малейшего интереса к управлению монастырём. Это была ответственность Шечена Рабджама Ринпоче.

Однажды нас позвали в дом к Шечену Гьялцабу. Когда мы пришли, он сказал нам, что на следующий день он начнёт давать учения, и самым первым посвящением, которое он даст, будет посвящение Ваджрасаттвы из традиции монастыря Миндролдинг. В последующие месяцы он давал нам очень важные учения школы ньингма, устную передачу полного собрания сочинений Мипама Ринпоче и собрания работ великого мастера ньингма Лонгчена Рабджама «Четырёхчастная сердечная сущность». По окончании учений я частенько заходил повидать Шечена Гьялцаба. Он любил детей, и ему нравилось играть и веселиться со мной. Он был мягким и заботливым человеком, и на протяжении всей его жизни едва ли кто-то видел его в гневе. Во время длительных учений он обязательно делал перерывы – играл во что-нибудь с молодыми ламами или рассказывал им интересные истории.

Если говорить откровенно, мой учитель Шечен Гьялцаб обладал всеми качествами великого мастера, о которых говорится в сутрах и тантрах. Его главным качеством был глубокий опыт высшего воззрения Великого совершенства. Впоследствии, когда я сам стал изучать эту доктрину, размышлять о ней и якобы ей учить, я чувствовал: мне удивительно повезло, что я получил передачу этого бесценного учения, подобного драгоценности, исполняющей желания, от своего великого учителя, совершенного будды, поскольку благодаря этому моё человеческое перерождение не прошло впустую. Подобные мысли усиливали мою преданность учителю и устремление добиться реализации. Даже сейчас, когда я вроде бы сам учу людей аспектам этой доктрины, я всегда визуализирую в уме образ своего учителя и прошу его дать своё благословение, чтобы наставления и объяснения принесли пользу.

Когда он давал посвящения, я часто испытывал ощущение восторга от выражения его лица и света глаз в тот момент, когда он указывал рукой в мою сторону, проводя прямое ознакомление с природой ума. Я чувствовал, что, хотя в силу своей несовершенной преданности я и вижу учителя в форме обычного человека, всё происходящее ничем не отличается от того, как Гуру Падмасамбхава давал посвящения своим двадцати пяти ученикам. Моя уверенность становилась твёрже и твёрже, и когда он снова бросал на меня свой взгляд, и, указывая рукой в мою сторону, спрашивал: «Какова природа ума?» – я думал про себя: «Мой учитель действительно великий йогин, который знает абсолютную реальность!». Так я мало-помалу стал понимать, как следует выполнять медитацию.

Я получил посвящение в монахи от Шечена Гьялцаба лишь во время своего следующего визита в монастырь Шечен. Я уже давал монашеские обеты Кхенпо Шенге, но Шечену Гьялцабу Ринпоче я сказал, что хочу получить их снова лично от него. Он ответил, что повторное принятие обетов вполне допустимо, что это сродни тому, как ступу покрывают несколькими слоями золота.

Когда Дзонгсар Кхьенце Чокьи Лодро впервые заговорил обо мне с Шеченом Гьялцабом Ринпоче, то первым делом сказал следующее: «Я встречал этого мальчугана и прежде, и у меня есть сильное ощущение, что он является реинкарнацией Джамьянга Кхьенце Вангпо. Будь добр, присматривай за ним получше, а я со своей стороны тоже приложу все усилия, чтобы быть ему полезным. В частности, я прошу тебя дать ему устную передачу текста „Сокровищница наставлений“». Впоследствии Шечен Гьялцаб Ринпоче так и сделал. Это было учение, предназначенное лишь для серьёзных практикующих, как объяснил мне Ринпоче, и поэтому он сам выбрал только тех учеников, кто был готов получить подобное посвящение. Он составил список из двадцати лиц и повесил около двери знак, обозначающий границу ретритного помещения. Текст «Сокровищница наставлений» содержит учения всех восьми основных школ тибетского буддизма. Когда Шечен Гьялцаб Ринпоче давал учения, то делал это не особенно громким голосом, но речь его звучала очень ясно, и я прекрасно понимал всё, что он говорил.

Я до сих пор помню это – даже сейчас, когда я стал стариком. Я искренне считал его своим коренным учителем, поскольку именно он ознакомил меня с природой ума.

У Кхьенце Чокьи Лодро был экземпляр текста, и мы учились по этой книге вместе. В какой-то момент Шечен Гьялцаб Ринпоче немного приболел, и, пока он поправлялся, Кхьенце Чокьи Лодро дал нам устную передачу некоторых учений. Всё время лечения Шечен Гьялцаб Ринпоче оставался в своей комнате, одно из окон которой, по счастью, выходило во внутреннее помещение небольшой алтарной комнаты, где мы как раз и собирались. Таким образом он мог принимать участие во всём, что там происходило. Я сидел прямо около окна, и мне было доверено вносить правки в его экземпляр текста. Это была очень волнительная и благоприятная возможность – видеть его каждый день и работать вместе с ним над текстом. Кхьенце Чокьи Лодро попросил меня написать какие-нибудь стихотворения. Несмотря на то что я был ещё весьма молод, у меня неплохо получалось складывать стихи, и Шечен Гьялцаб Ринпоче был очень доволен, сказав, что в будущем я стану хорошим писателем.

Учения длились три месяца. В самом конце, в последние два дня, мы проводили благодарственные церемонии, включая большое пиршественное подношение, во время которого роль *умдзе* взял на себя сам Шечен Гьялцаб Ринпоче, что было уникальным событием.

Завершая цикл учений, Шечен Гьялцаб Ринпоче возвёл меня на трон как перерождение ума Джамьянга Кхьенце Вангпо. У Джамьянга Кхьенце Вангпо было пять перерождений, пять тулку, которые считались манифестациями его тела, речи, ума, качеств и активности. Кхьенце Чокьи Лодро являлся перерождением его активности.

Утро дня, когда должна была состояться интронизация, я отправился по тропе к ретритному дому. Внутри дома был возведён большой трон. Шечен Конгтрул, который в то время был ещё довольно молод, держал в руках связку благовоний, а Шечен Гьялцаб Ринпоче специально нарядился в свои самые торжественные одеяния. Они велели мне взобраться на трон. На церемонии присутствовали лишь несколько человек. Они распевали молитвы, в которых говорилось о пяти совершенных обстоятельствах – совершенных времени, месте, учителе, учении и учениках. Шечен Гьялцаб Ринпоче, который проводил церемонию, дал мне священные объекты, символизирующие тело, речь, ум, качества и активность будд. В качестве символа тела он дал мне статую Будды Шакьямуни, которая принадлежала Мипаму Ринпоче и Джамьянгу Кхьенце Вангпо. В качестве символа речи он дал мне собрание текстов этих двух выдающихся мастеров. В качестве символа ума он дал мне *ваджру* и колокольчик, которые использовал Мипам Ринпоче. В качестве символа качеств он дал мне все ритуальные предметы, необходимые для того, чтобы даровать посвящения. И наконец, в качестве символа активности он дал мне печать Мипама Ринпоче. Затем он вручил мне документ, в котором говорилось следующее:

Сегодня я распознал мальчика из семьи Дилго как реинкарнацию Джамьянга Кхьенце Вангпо. Я даю ему имя Гьюрме Тегчог Тенпей Гьялцен – Стяг Победы Наивысшей Колесницы. Я доверяю ему учения великих мастеров прошлого, и теперь в момент смерти мне не о чём будет сожалеть.

Когда я восседал на троне, мне в голову пришла мысль о том, что поскольку я признан реинкарнацией Джамьянга Кхьенце Вангпо, то должен бы помнить свои предыдущие жизни. Размышляя подобным образом, я вдруг ясно вспомнил какую-то горную пещеру, перед входом в которую росло молодое дерево с густой листвой. В небе можно было отчётливо видеть солнце и луну. Всё это предстало передо мной как наяву, но я никому не стал об этом рассказывать. Позже я был в Непале и посетил местность Янглешо. Там я обнаружил место, которое мне привиделось в тот день.

Я провёл с Шеченом Гьялцабом Ринпоче около пяти лет в монастыре Шечен, правда, я жил не в самом монастыре, а в ретритном центре, что был расположен немного поодаль, на холме.

По окончании этого срока я вернулся домой и жил в уединении в пещере, носящей название Боям Сампутри. Зимой, не прерывая ретрита, я попросил сведущего Кхенпо Тубгу навесить меня и дать подробное учение по тексту «Тантра тайной сущности», который входит в цикл под названием «Магическая сеть». Он прошёл по тексту три раза подряд, и я выучил наизусть и сам коренной текст, и трёхсотстраничный комментарий Лонгченпы.

Изучая во всех подробностях текст «Магическая сеть», я обрёл определённое понимание сути посвящений в ваджраяне, разобрался со всеми категориями самай, а также со стадиями развития и завершения практики Великого совершенства. Устные же объяснения прояснили для меня множество трудных моментов, и это было похоже на то, как будто приоткрылась дверь, ведущая к моей осознанности. Позже, когда я рассказывал об этом реализованному мастеру Кхьенце Чокьи Лодро, он сказал: «Текст „Сокровищница драгоценных качеств“ несёт очень мощное благословение. Изучая этот текст, всеведущий Мипам Ринпоче открыл врата мудрости, и это было подобно тому, как в начале дня восходит солнце».

Я послал владыке мандалы Шечену Гьялцабу Ринпоче письмо в стихах, в котором описал свой опыт изучения текстов «Магическая сеть», «Тантра Гухьягарбхи» и «Сокровищница драгоценных качеств» и прогресс, которого смог добиться. В ответном послании я обнаружил рисунок восьми благоприятных символов и письмо, в котором говорилось: «Благородный, я очень рад, что ты так увлекаешься изучением и практикой Дхармы». Это было последнее, что я от него слышал.

Все мастера, которым я следовал, были известны своими непревзойдёнными качествами, описываемыми в учениях Будды, и все они полностью отказались от забот обычной жизни. Благодаря их доброте я также научился не проявлять к повседневной социальной жизни особого интереса. Мои родители были также очень добры ко мне и обеспечивали меня всем необходимым для того, чтобы мне не нужно было заниматься ничем, кроме изучения и практики Дхармы под руководством подлинных мастеров. Таким образом, у меня не было нужды вовлекаться в построение религиозной «карьеры» – стремиться к высокому административному положению в монастыре. Шедруб, который помогал мне с занятиями, дал мне такой совет:

– Тебе следует вести себя так же, как ведут себя наши учителя, и постоянно совершенствовать свои качества, непрерывно изучая Дхарму, размышляя о ней и выполняя надлежащую практику медитации. Я возьму на себя заботу обо всех повседневных делах, и тебе останется лишь хранить молчание, как будто бы ты глухонемой.

Благодаря такой его доброте мне были не нужны никакие подношения, даже пока я был юношей, и поэтому я целиком и полностью посвятил себя изучению, размышлению и практике медитации, дав клятву не тратить впустую ни одного часа своей жизни. День за днём мой брат выполнял роль наставника, вдохновляя меня писать стихи, молитвы призывания, песни и другие сочинения, объясняя, что подобная тренировка позволит мне улучшить свои навыки составления текстов. И я постоянно что-то писал – иногда у меня получалось что-то стоящее, а иногда и полная ерунда. Когда мне было трудно что-то вспомнить, я обычно обращался к собранию поэм и наставлений Патрула Ринпоче и других великих реализованных мастеров и таким образом оттачивал свои навыки писательства, что, несомненно, делало тексты, которые я составлял, более ясными и содержательными, хотя почерк мой так и остался ужасным.

Некоторое время спустя я решил посетить местечко Кьянгма Ритро, где жил Кхенпо Тубга. Там не было какого-то монастыря, да и вообще каких-либо построек, только палаточный лагерь. Мне было восемнадцать лет, и я тогда жил в Гакоге. В один из дней я получил письмо от отца, в котором говорилось, что Гьялцаб Ринпоче – Владыка, Входящий Во Все Семейства Будд, ушёл из жизни на восемнадцатый день пятого месяца года Железного Тигра (1926). Ему было всего лишь пятьдесят шесть лет. Эта новость настолько меня расстроила, что мне казалось, будто моё сердце просто рвётся на части. Когда я закончил в тот вечер ритуал подношения *дхарманалам* и дошёл до молитвы о долголетьи драгоценного учителя, то вдруг подумал,

что теперь это не имеет смысла. Но в то же время я не мог просто так перестать её читать. В результате я прочёл эту молитву как призывание, и, пока я читал, из моих глаз лились слёзы. В тот день я лёг спать в очень грустном настроении. Чтобы как-то утешить меня, Шедруб сказал: «Не стоит оплакивать уход учителя так, как это делают обычные люди, просто объединяй свой ум с его умом! Вы оба тулку, и так ты сможешь получить от него благословение передачи от ума к уму даже после его смерти!».

На следующее утро я сел в прохладной тени на лугу за домом, чтобы немного позаниматься. Я выполнял, как мне казалось, практику созерцания природы ума, но каждый раз, когда я начинал думать о своём учителе, в моём уме возникало ощущение настоящего горя. В какой-то момент я не удержался и расплакался, а позже написал грустную песню:

Как жаль, мой всезнающий учитель!
Я следовал тебе – совершенному будде,
Но так и не обрёл совершенного понимания наставлений.
Почему же ты оставляешь меня, как оставляют сирот родители?

Мои омрачённые дурной кармой глаза уже не увидят
Твоё подобное луне лицо, твои глаза, в которых светится улыбка,
Твои глаза, что всегда смотрели на меня с добротой и любовью.

Твой мелодичный, чистый голос, глубокий и вдохновляющий,
Подобен мощному потоку нектара Дхармы,
Но моим ушам больше не слышать его ясное звучание,
А тогда что остаётся твоему сыну, кроме как звать о помощи и поддержке!
Твои добрые руки благословляли мою голову
Сосудом, наполненным священной *амритой* и нектаром.
Понимая, что больше не испробуешь этот вкус,
Как может кто-то удержать вздох печали?

Когда ты смотрел на меня своими сияющими глазами,
Светящаяся мощь твоей реализации озаряла всё вокруг.
Когда теперь выпадет шанс увидеться снова?
Что мне остаётся делать, кроме как призывать тебя, утешаясь надеждой!

Когда в моей памяти возникает образ
Убежища Чакрасамвары, расположенного
В ретритном центре непревзойдённого белого лотоса,
Я ощущаю восторг.
Почему же ты оставил это место?

Благородное собрание сведущих и добродетельных практиков
медитации, достигших реализации,
Пребывающих в гармонии подобно детям одних и тех же
родителей, —
Собрание видьядхар, действующих в соответствии с Дхармой, —
Разлетелось, как птицы перед наступлением темноты.

Все посвящения и наставления были одно чудесней другого;
Владыка Дхармы, ты и твои духовные сыновья обладали всем, чего
только можно желать.

Почему же теперь ты закрываешь врата,
Как закрывают врата города, когда войско проиграло сражение?

В то время как кхенпо, тулку и монахи – юные и пожилые —
Из монастыря Донгаг Тенньи Даргъелинг
Восславляют твою доброту,
Как мог ты отправиться в незримые земли?

С кем же теперь будут обсуждать свои медитативные переживания
Все те расслабленные и беззаботные йогины, что пребывают
На высокой вершине божественной лотосовой горы,
В горных пещерах и деревянных хижинах?

Несмотря на то что миряне – как мужчины, так и женщины –
заняты ведением хозяйства,
Они в то же время связаны золотой нитью самайи,
Украшенной драгоценным камнем веры.
Кто теперь поможет им во время жизни, смерти и в бардо?

В прошлом я всё раздумывал, правда ли то, что
Ты живёшь на знаменитой Медноцветной горе,
А сейчас, стоит мне тебя вспомнить,
Сердце наполняется печалью, а глаза слезами.

Мастер, пребывающий в чистых землях десяти направлений,
Ты наслаждаешься свежестью необусловленного блаженства,
Так взгляни на своего оставшегося в одиночестве ученика глазами
мудрости,
Пусть твоя добрая, любящая рука коснётся моей макушки.

Твой ученик, обитающий в этой нечистой земле,
Только и делает, что представляет в уме, как ты пребываешь
Среди будд и бодхисаттв.
Любимый отец, мне не вынести этой разлуки!

Ты растворился в изначальном внутреннем пространстве,
Но даже будучи там, несравненный защитник, пожалуйста,
Брось прямо сейчас крюк истинного непредвзятого сострадания
И заberi меня, чтобы я мог радоваться тому, что нахожусь рядом
с тобой.

В один из перерывов между занятиями я устроил пикник; взобравшись на вершину высокой скалы, я здорово устал и присел, чтобы перевести дух. Я не прилагал каких-то особых усилий для того, чтобы наблюдать за умом, но в какой-то момент у меня вдруг спонтанно возникло переживание пустотного осознания, подобного пространству, в котором нет центра и

периферии. Прежде у меня никогда не было подобных медитативных переживаний, и я сидел там до тех пор, пока оно полностью не закончилось.

Вернувшись в Денкхог, следующие тринадцать лет я провёл в уединённом ретрите в горах.

Глава 3

Серьёзный подход к духовной практике

Шечен Гьялцаб Ринпоче дал молодому Кхьенце Ринпоче множество учений и ознакомил его с природой ума. Кхьенце Ринпоче пообещал своему горячо любимому учителю, что он в свою очередь будет с такой же щедростью давать наставления всем, кто обратится к нему за помощью. Кхьенце Ринпоче решил, что выполнение подобного обещания требует серьёзной подготовки – ведь ему было всего пятнадцать лет, когда ушёл Шечен Гьялцаб Ринпоче, – и следующие тринадцать лет он провёл в ретрите, ни с кем не разговаривая. Он медитировал на любви, сострадании и стремлении привести всех живых существ к освобождению и просветлению, проводя всё своё время в ретрите в отдалённых хижинах и пещерах в диких покрытых лесом предгорьях неподалёку от места его рождения – долины Денкхог. Сам он так рассказывает о годах, проведённых в уединении:

Я начинал практику очень рано, до рассвета, и практиковал до полудня, а во второй половине дня начинал снова и практиковал до поздней ночи. В середине дня я изучал тексты, а некоторые из них читал вслух, разучивая наизусть. Семь лет я жил в пещере Убежище На Утёсе и три года – в Белой роще, а также по несколько месяцев в различных пещерах и хижинах, окружённых глухим лесом и снежными вершинами.

Недалеко от пещеры Падампы располагался небольшой дом, где мой брат Шедруб и двое его помощников готовили еду. В моей пещере не было двери, и случалось так, что к подножью утёса, на котором она была расположена, приходили медвежата и тщательно всё там обнюхивали. Однако им никак не удавалось взобраться по лестнице, ведущей к входу в пещеру. В лесу обитали лисы и множество птиц. Водились поблизости и леопарды, которые в конце концов загрызли маленькую собачку, которая со мной жила. Местную кукушку я использовал как будильник. Как только я слышал, что она начала куковать (это случалось обычно в три часа утра), я тут же вставал с кровати и начинал сессию медитации. В пять часов я сам себе заваривал чай, что позволяло мне ни с кем не видаться вплоть до самого обеда. Вечером я подкладывал в костёр немного дров, и угли оставались горячими до следующего утра, чтобы я снова мог заварить себе чай. Мне удавалось следить за костром и пользоваться чайником, не вставая с места, просто немного подавшись вперёд. У меня была большая библиотека текстов. Пещера, где я жил, была достаточно вместительной – я мог свободно выпрямиться в полный рост, не задевая головой потолок, – но в ней было сыровато. Как и в большинстве подобных пещер, летом в ней было прохладно, а зимой – немного теплее, чем снаружи.

Дилго Кхьенце в двадцать лет. *Фото неизвестного автора*

Убежище На Утёсе, где Дилго Кхьенце Ринпоче провёл в строгом ретрите шесть лет.
Фото Матье Рикара

Пещера Дилго Кхьенце Ринпоче у подножия горы Бхала.
Фото Матье Рикара

Я семь лет жил в Убежище На Утёсе, не прерывая ретрита. Время от времени меня приходили навестить родители. Я ушёл в ретрит, когда мне было шестнадцать. Всё своё время я

проводил, сидя в специальном квадратном деревянном коробе, лишь иногда выпрямляя ноги. Мой старший брат Шедруб был моим ретритным учителем и часто говорил мне, что если я не буду выходить наружу походить и размяться, то у меня могут начаться проблемы с телом. Однако у меня не было ни малейшего желания выходить из пещеры. Шедруб жил в хижине неподалёку и тоже выполнял ретрит, правда, не такой строгий, как у меня. У него был помощник, который время от времени отправлялся за провизией в наше поместье, находившееся в трёх часах езды на лошади. Когда в 1985 году я вернулся в Кхам, помощник был ещё жив, и мне даже довелось с ним повидаться.

В пещере постоянно залетали птицы. Я обычно отрезал немного масла, клал на палец и вытягивал руку, и тогда они садились прямо на руку и клевали масло. Ещё у меня жили две мыши, и я кормил их ячменной мукой. Они были почти ручные и часто запрыгивали мне на колени. Подношения [торма], которые я выставлял снаружи пещеры, уносили вороны.

Я не ел мяса пять или шесть лет. На протяжении трёх лет я не произнёс ни единого слова. Днём, после обеда, я обычно немного отдыхал или читал какие-нибудь книги и никогда не позволял себе безделья. Мой брат Шедруб всегда поощрял моё писательское творчество и часто просил сочинить какие-нибудь молитвы, песни реализации или стихи. Он был уверен, что мне необходимо развивать литературные навыки. Мне было несложно писать, поэтому к концу ретрита у меня было сочинений на тысячу страниц, однако позже, когда мы были вынуждены бежать из Тибета, всё это было утеряно.

В этой пещере была очень подходящая атмосфера для практики, и ничто не отвлекало меня от медитации. Я перестал стричь волосы, и они выросли очень длинными. Когда я выполнял практику «внутреннего жара» [туммо], то ощущал в теле настоящий жар, который сохранялся день и ночь, год за годом, поэтому, несмотря на холодный климат, я носил лишь белую накидку и монашескую юбку из тонкой ткани. Подстилкой мне служила шкура медведя. Снаружи пещеры всё застывало от мороза, но внутри было довольно тепло.

Позже я переехал в Белую рощу. Там я соорудил себе небольшую деревянную хижину с маленьким окошком. Довольно часто я мог наблюдать стаи волков, пробегающих мимо моей хижины. Иногда какой-нибудь из них останавливался, чтобы почесать бок об угол хижины. В лесу водилось множество оленей, а также гималайские голубые овцы. Время от времени мне доводилось увидеть даже леопарда. Раз в месяц меня навещала мать, и мы обычно разговаривали около часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.